

Э

той истории сорок лет. Точная дата — 8 февраля 1945 года. Первая ее публикация была устной — неведомый телеграф разнес известие по фашистским лагерям смерти. Замученные, истощенные, на гибель обреченные люди радовались ей, как собственной победе. Это было то, о чем каждый мечтал. Бежали! Да как — на захваченном самолете!

Во фронтовой газете советских, подступавших к Одеру войск появилась в далеком том феврале заметка со снимком: на подтаявшем поле на брюхе лежит самолет «хейнкель». Из него только что вышли люди в полосатой одежде. Два часа назад они еще были узниками. Истощенные до предела — кожа и кости. Но долетели. Ад — позади...

В 1957 году история дерзкого, почти фантастического побега из плена стала достоянием больших газет. Главное ее лицо — летчик Михаил Петрович Девятаев был удостоен звания Героя Советского Союза. Имя его в тот год было у всех на устах. Но идет время. Выросло новое поколение людей. То, о чем было рассказано, превратилось в легенду. «Слышали, был такой случай. Жив ли летчик сейчас? Нельзя ли вновь рассказать?» Это строчки из писем в редакцию.

Вновь рассказать... Находясь в ФРГ, я вдруг обнаружил: и тут известно об этой истории. В журнале «Штерн», интересуясь именами знаменитых людей, занесенных в память компьютера, я прочел вдруг фамилию «Девятаев». Оказалось: тот

самый! Быстро нашли журнальные публикации. В них — подробный рассказ о победе, а также о том, что было на секретной фашистской базе в день, когда стало ясно: самолет «хейнкель» угнан и настичь его невозможно.

Вернувшись в Москву из Гамбурга, я позвонил в Казань Девятаеву. Он был в добром здравии. Пригласил: «Приезжайте, поговорим».

В Балтийском море на линии к северу от Берлина есть островок Узедом. На западной его оконечности располагалась секретная база Пенемюнде. Ее называли «заповедником Геринга». Тут испытывались новейшие самолеты. Тут находился ракетный центр, возглавляемый Вернером фон Брауном. С десяти стартовых площадок, расположенных вдоль побережья, ночами, оставляя огненные языки, уходило в небо «Фау-2». Этим оружием фашисты надеялись дотянуться аж до Нью-Йорка. Но весной 45-го им важно было терроризировать более близкую точку — Лондон. Однако серийная «Фау-1» пролетала всего лишь 325 километров. С потерей стартовой базы на западе крылатую ракету стали запускать с Пенемюнде. Отсюда до Лондона более тысячи километров. Ракету поднимали на самолете и запускали уже над морем.

Авиационное подразделение, осуществлявшее испытания новейшей техники, возглавлял тридцатитрехлетний ас Карл Хайнц Грауденц. За его плечами было много военных заслуг, отмеченных гитлеровскими наградами. Десятки «хейнкелей», «юнкерсов», «мессершмиттов» сверхсекретного подразделения участвовали в лихорадочной работе на Пенемюнде. В испытаниях участвовал сам Грауденц. Он летал на «Хейнкеле-111», имевшем вензель «Г.А.» — «Густав Антон». База тщательно охранялась истребителями и зенитками ПВО, а также службой СС.

8 февраля 1945 года был обычным, напряженным, с нервными перегрузками днем. Обер-лейтенант Грауденц, наскоро пообедав в столовой, приводил в порядок в своем кабинете полетные документы. Внезапно зазвонил телефон:

— Кто это у тебя взлетел, как ворона? — услышал Грауденц грубоватый голос начальника ПВО.

— У меня никто не взлетал...

— Не взлетал... Я сам видел в бинокль — взлетел кое-как «Густав Антон».

— Заведите себе другой бинокль, посильнее, — вспыхнул Грауденц. — Мой «Густав Антон» стоит с зачехленными моторами. Взлететь на нем могу только я. Может быть, самолеты у нас летают уже без пилотов?

— Вы поглядите-ка лучше, на месте ли «Густав Антон»...

Обер-лейтенант Грауденц прыгнул в автомобиль и через две минуты был на стоянке своего самолета. Чехлы от моторов и тележка с аккумуляторами — это все, что увидел оцепеневший ас.

«Поднять истребители! Поднять все, что можно! Догнать и сбить!»...

Через час самолеты вернулись ни с чем.

С дрожью в желудке Грауденц пошел к телефону доложить в Берлин о случившемся. Геринг, узнав о ЧП на секретнейшей базе, топал ногами — «виновных повесить!» 13 февраля Геринг и Борман прилетели на Пенемюнде... Каким образом голова Карла Хайнца Грауденца уцелела — остается загадкой. Возможно, вспомнили о прежних заслугах аса, но скорее всего ярость Геринга была смягчена спасительной ложью: «Самолет догнали над морем и сбили».

Кто угнал самолет? Первое, что приходило на ум Грауденцу — «томми»... Англичан беспокоила база, с которой летали «фау». Наверное, их агент. Но в капонире — земляном укрытии для самолетов, близ которого находился угнанный «хейнкель», нашли убитым охранника группы военнопленных. Они в тот день засыпали воронки от бомб.

Михал Девятаев

Срочное построение в лагере сразу же показало: десанты узников не хватает. Все они были русскими. А через день служба СС доложила: один из бежавших вовсе не учитель Григорий Никитенко, а летчик Михаил Девятаев.

Михаил Девятаев... Мы сидим в его доме. Михаил Петрович вспоминает.

Он мордвин. Он был у матери тринадцатым ребенком. Отец умер от тифа, когда мальчику было два года. Легко предстать, как жилось в многолетней бедной деревенской семье. Однако все дети выжили. И по законам жизни выросли крепкими, смелыми, не боящимися невзгод.

В 1934 году в мордовский поселок Торбеево прилетел самолет — забрать больного. Михаилу было шестнадцать лет. Вид самолета на поле, короткий разговор с летчиком поселили в юной душе мечту. Школа окончена. Матери он сказал: «Еду в Казань. Вернусь летчиком».

В Казань он явился босым, в майке, сшитой изстираного кумача. Первые две ночи спал на вокзале. Путей в летчики сразу найти не мог, определился в речной техникум. И окончил его успешно. Одновременно учился в аэроклубе. Потом военное училище. В 1939 году он явился в родное Торбеево лейтенантом: «Мама, я — летчик!»

Война застала его под Минском. Уже 23 июня Михаил Девятаев участвовал в воздушном бою. 24 июня он сбил вражеский самолет. А еще через день сам попал под огонь «мессершмитта» и выпрыгнул с парашютом из горящего «ишака» (истребителя И-16). Не прояви он находчивость, война и жизнь окончились бы для него в этом бою под Минском — «мессершмитт» развернулся расстрелять летчика. Михаил стянул стропы и быстро «колбасой» понесся к земле. В ста метрах он дал парашюту раскрыться и спасся. Потом он еще не один раз покидал горящие самолеты. К лету 44-го года он сбил девять вражеских самолетов. Пять раз сбивали его. У него были прострелены рука и нога. Лежал в госпитале. Снова вернулся на самолет. Полтора года из-за ранений летал на «кукурузнике», но потом добился возвращения в истребительный полк. В 1944 году Девятаев был награжден тремя боевыми орденами.

Тут нет возможности рассказать о множестве интереснейших боевых эпизодов, о том, как копился опыт войны, как постепенно немецкие летчики потеряли господство в небе, как стали бояться «яков», как боевая взаимовыручка, дерзость, находчивость приносили победу. Но об одном случае рассказать надо. Он выявляет характер летчика Девятаева. Вы почувствуете: все, что случилось потом, в звездный час его жизни, — было закономерным, было подготовлено всем течением его жизни.

Осенью 43-го года из-под Кривого Рога надо было вывезти тяжело раненного генерала — только в Москве могли сделать сложнейшую операцию. Три самолета У-2, вылетая, не достигали цели — в тумане не находили село или терпели аварию, пытались садиться на раскисшую землю. Девятаев, полетевший четвертым, нашел село, благополучно сел, отыскал нужный дом и узнал: генерала четыре часа назад отправили в Москву поездом... Конечно, можно было бы вернуться и доложить все, как было. Девятаев поступает иначе. Прикинув время и путь следования несчастных в прифронтовом крае пассажирских вагонов, он полетел над железной дорогой и скоро увидел поезд. Как заставить остановиться? «Я полетел низко, едва не касаясь колесами паровоза. Отворачивал в сторону, покачивал крыльями — нет, машинист не понимал, чего

добивается «кукурузник». Тогда, выбрав место, я посадил самолет и выбежал на полотно, отчаянно размахивая шлемом. Поезд прорчался мимо. Я взлетел еще раз, обогнал состав, сел и выбежал снова на полотно».

На этот раз поезд остановился. Посреди степи генерала перенесли в самолет. К вечеру он был уже в Москве. Он лежал на носилках белый, бескровный. Велел позвать летчика. Тот подошел, приложил ладонь к шлему. Генерал попросил достать из его кобуры пистолет. «Лейтенант, возьмите на память. Сколько буду жить, столько буду вас помнить».

Такой эпизод... В нем — весь человек: чувство долга, находчивость, смелость, стремление достигнуть цели... Летом 1944 года Михаил Девятаев снова на истребителе, воюет в дивизии Александра Покрышкина.

День 13 июля был переломным в его военной судьбе. Накануне наступления под Львовом он сопровождал бомбардировщики, сделал за день три боевых вылета. Уже на заходе солнца поднялся в четвертый раз навстречу летевшим «юнкерсам». Он не заметил, как из-за облака вынырнул «мессершмитт»... Машина словно споткнулась. В кабине — дым, перед глазами — языки пламени... Со стороны безнадежность его положения была, наверное, особенно ясной. «Мордвин, прыгай!» «Мордвин» — позывной Девятаева. «Миша, приказываю!» — это был голос его командира... Бой шел за линией фронта. Прыгая из самолета, который вот-вот взорвется, Михаил ударился о хвостовой стабилизатор и приземления на парашюте уже не помнил. Очнулся в землянке среди летчиков. Но речь — чужая... Это был плен.

Сначала с ним обошлись почти по-джентльменски — перевязали рану, накормили, не тронули ордена. Даже как будто с уважением на них смотрели — такого, мол, ценим. Но, оказалось, все было психологической подготовкой склонить к измене. Когда Девятаев с возмущением и со свойственной ему прямоотой сказал: «Среди летчиков предателей не найдете», — отношение изменилось. Стучали кулаком по столу, топали ногами, подносили к лицу пистолет. Требовали не так уж много: название части, расположение, имена командиров... Ничего не сказал!

В прифронтовом лагере военнопленных встретил таких же, как сам. Все в плену оказались после вынужденных посадок и прыжков из подбитых машин. Были раненные, с обожженными лицами и руками, в обгоревшей одежде. Но это были люди, уже видавшие Сталинград, Курскую дугу, освобождавшие Киев, это были летчики, знавшие вкус победы, вгонявшие в землю немецких асов. Сломить их было нельзя.

Их держали от остальных пленных отдельно. И на запад повезли не в поезде, а в транспортных самолетах.

Начался для летчиков лагерный плен. Их поместили в отдельный барак. Рядом валялась чья-то одежда, обувь, детские рубашонки, ночные горшки... Решили спросить у охранника: что это значит? Эсэсовец, ухмыляясь, с видимым удовольствием объяснил: «В бараке жили еврейские семьи, вчера всех... туда, — он показал на трубу крематория, — освободили место для вас».

Бежать! Бежать во что бы то ни стало... Попытка к побегу каралась немедленной смертью. И все-таки несколько человек, тщательно присмотревшись друг к другу, решились. Надежда вырваться на свободу была у всех связана с самолетом. Врач, тоже пленник, рассказывал: аэродром — рядом. В воскресный день, когда немецкие летчики отдыхали и у машин оставалась только охрана, можно напасть, захватить самолет... Трудность главная — бегство из лагеря. Вся территория с вышек простреливалась. Ров, колючая проволока с током высокого напряжения... Решили делать подкоп.

Краткость рассказа не позволяет подробно описать эту дерзость. Прямо из барака, стоящего на сваях, решили прорыть тоннель под оградой. Рыли ложками, мисками. Землю выносили и ровным слоем рассыпали под полом барака. Работали ночью, на-

блюдая в щелку за часовым. Из детских рубашек, подобранных у барака, нарвали ленты. Веревкой, привязанной к ноге «забойщика», подавали сигнал опасности. Чтобы землей не запачкать одежду и не выдать себя, в нору лазали нагишом. Сил хватало на пять-шесть минут.

Подкоп достигал уже линии ограждения, когда охране кто-то донес о близком побеге.

Изуверскими пытками началось выявление зачинщиков. Среди них оказался Михаил Девятаев. Избиение железными прутьями, истязание в карцере жаждой и жаром железной печки... Неизбежный расстрел казался уже желанным. Но агонию трех, уже еле державшихся на ногах узников изуверски решили prolongировать. Сковав их цепью, отправили в Заксенхаузен, в самый страшный из лагерей. Все, что было до этого, представлялось теперь преддверием ада. Адом был Заксенхаузен. Уделом сюда прибывших была только смерть — от истощения, от побоев, от страшной скученности, которую по мере прибытия новых жертв разрезал крематорий. Пленники тут разделялись на «смертников» и «штрафников». Шансов выжить у тех и других практически не было. Но «смертники» к смерти стояли ближе.

«В бараке санобработки парикмахер, снимавший машинкой мою шевелюру, тихо спросил:

— За что попал?

— Подкоп.

— Это расстрел...

За минуту до этого разговора тут, в санитарном бараке, у всех на глазах охранник лопатой убил человека за то, что тот осмелился закурить. Труп лежал у стены. Не знаю уж, чем я понравился старику парикмахеру, такому же узнику, как и все, но он вдруг сказал:

— Бирку уже получил?... Давай! Давай скорее!..

Мало что понимая, я отдал железку с продавленным номером. Оглянувшись, старик нагнулся к убитому и тут же сунул мне в руку новую бирку с номером 104533.

— Запомни, теперь ты другой человек, не «смертник» — «штрафник». Фамилия — на бумажке.

Так летчик Михаил Девятаев стал Григорием Степановичем Никитенко — учителем из Дарницы.

«Как выжил — не знаю. В бараке девятьсот человек — нары в три этажа. Каждый из узников в полной власти капо, эсэсовцев, коменданта. Могут избить, изувечить, убить... 200 граммов хлеба, кружка баланды и три картофелины — вся еда на день... Работа — изнурительно тяжелая или одуряюще бессмысленная... Более тысячи скелетов, обтянутых кожей, в четыре утра выстраивали на ветреном плацу. Каждый стремился протиснуться в середину этого скопища — там теплее и один поддерживает другого, легче стоять. Кто-то упал. Ну, значит, отмучился. Ежедневно повозка, запряженная людьми, увозила трупы туда, где дымила труба. И каждый думал: завтра и моя очередь. Забираясь ночью на нары, я размышлял: друзья летают, бьют фашистов. Матери, наверное, написали: «Пропал без вести». А я не пропал. Я еще жив, я еще побуюсь».

К концу 44-го года фашисты стали испытывать острую нужду в рабочей силе. Узников Заксенхаузена осмотрели врачи и, как видно, нашли, что часть до предела истощенных людей пригодна к работе в каких-то иных местах.

15 ноября полтысячи пленных загнали в вагоны. Везли куда-то три дня. Когда вагоны открыли, более половины людей были мертвыми.

«Учитель Никитенко Григорий» оказался среди тех, кого построили перед комендантом нового лагеря. Тот сказал: «О побеге не помышляйте. Отсюда никто не убежал и не убежит».

Узники сразу поняли, что находятся близко от моря — летали чайки, сырой ветер пронизывал до костей, заставлял сбиваться в тесные кучи. С умерших снимали рубы — подшивали к своей одежде подкладку.

И было ясно: лагерь находится около важной военной базы. В неделю раз, вечерами, в небо с ревом, оставляя полосы света, улетали ракеты. Где-то вблизи располагался аэродром.

Три с половиной тысячи пленных каждое утро на плацу, ежась от ветра, получали наряд на работу. В порту выгружали уголь, цемент, ремонтировали дороги, засыпали воронки от бомб. Большая группа людей извлекала из земли и строений невзорвавшиеся бомбы. Сами немцы называли группу «командой смертников». Но кто из пленных страшился смерти! Именно в эту команду всем хотелось попасть. Причина была простая: во время смертельно опасной работы разжигались едой — хлебом, картошкой, иногда колбасой. Голодная смерть «смертникам» не грозила, даже товарищам кое-что припасали.

Самой недобычливой была аэродромная команда. На летном поле — ни картошки, ни какого-нибудь корешка, ни беленной дождями кости, от которой, если долго держать в кипятке, получается заглушающий голод отвар. И работа на летном поле самая тяжелая: засыпать воронки, носить замес из цемента. Но именно в эту команду стремился все время попасть «учитель из Дарницы». «Рев самолетов, их вид, их близость с громадной силой всколыхнули мысль о побеге».

Все, кто работал тут, понимали: пленным пути с этой базы не будет, всех уничтожат. И потому пытались бежать. Один отчаянный югослав затаился на островном озере. «Поймали. В назидание всем поставили перед строем и спустили овчарок. Чтобы загрызли не сразу — шею обмотали брезентом. Я видел много всего, но более страшной картины не помню».

Лагерь военнопленных у Пенемюнде мало чем отличался от Заксенхаузена. Жизнь человека не ставилась ни во что. Но жажда жизни не покидала людей. Одни уцелеть хотели любой ценой. Другие, тайно поддерживая друг друга, выживали, не теряя человеческого достоинства. Постепенно «учитель из Дарницы» нащупал таких людей. В мимолетных разговорах обронил осторожно мысль о побеге, сказав, что есть среди пленных опытный летчик.

Слово «летчик» было доверено четверым: Владимиру Соколову, Ивану Кривоногову, Михаилу Лупову и Федору Фатых. Имя летчика долго держалось в секрете. «А когда я, поверив в товарищей, сказал: «Летчик — я», то увидел разочарование. Изможденным, обессиленным людям летчик представлялся сильным большим человеком. А перед ними стоял такой же, как все, доходяга. Но я говорил о побеге так горячо и так убежденно — поверили: можем взлететь».

Работая на аэродроме, теперь примечали все подробности его жизни: когда направляются самолеты, когда команды уходят обедать, какая машина удобней стоит для захвата. Остановили внимание на двухмоторном «Хейнкеле-111». Он чаще других летал. Его сразу после посадки готовили к новому вылету. Возле него не однажды чисто одетые люди в штатском поздравляли пилота — удавались, как видно, какие-то важные испытания. «Я прикидывал план захвата машины, рулежки, взлета под горку в сторону моря. Но сумею ли запустить, сумею ли справиться с двухмоторной машиной? Во что бы то ни стало надо было увидеть приборы в кабине, понять, как, что, в какой последовательности надо включать — в решительный момент счет времени будет идти на секунды».

Во время аэродромных работ команду сопровождали охранники (вахтманы). Один был зверем, другой — старичок, побывавший в русском плену еще в Первую мировую войну, — знал русский язык и относился к пленным с явным сочувствием. В его дежурство «учитель из Дарницы» не упускал случая заглянуть на самолетную свалку и там впивался глазами в приборные доски «Хейнкеля-111». Экипаж тяжелого двухмо-

торного бомбардировщика, с которым до этого Михаил Девятаев встречался лишь в воздухе, состоял из шести человек. Беглецам предстояло поднять его силами одного изможденного узника. «Главное: запустить, вырулить и взлететь... Случай помог проследить операции запуска. Однажды мы расчищали снег у капонира, где стоял такой же, как «наш», «хейнкель». С вала я видел в кабине пилота. И он заметил мое любопытство. С усмешкою на лице — смотри, мол, русский зевака, как легко настоящие люди справляются с этой машиной, — пилот демонстративно стал показывать запуск. Подвезли, подключили тележку с аккумуляторами. Пилот показал палец и отпустил его прямо перед собой. Потом пилот для меня специально поднял ногу на уровень плеч и опустил — заработал один мотор. Следом — второй. Пилот в кабине захохотал. Я тоже еле сдерживал ликование — все фазы запуска «хейнкеля» были ясны».

Заговорщики стали теперь обсуждать детальный план захвата машины. Заучено было: кто ликвидирует вахмана, кто расчехляет моторы, кто снимает струбцинки с закрылков... «Степень риска все понимали: может поднять тревогу охрана; может неожиданно кто-нибудь появиться у самолета; машина окажется без горючего; не запустим моторы; могут, быстро хватившись, загородить полосу взлета; могут вслед послать истребителей; могут возникнуть и непредвиденные осложнения. Сам я мысленно думал: шансы — один из ста. Но отступать мы уже не могли. Мы уже сжились с мыслью: «В обед хлебаем баланду, а ужинаем дома, среди своих» — и самолет уже называли не иначе как «наш «хейнкель»».

Теперь без ошибки надо было выбирать день. Он должен быть облачным, чтобы сразу скрыться от истребителей. Небезразлично, кто будет охранником. Эсэсовца план предусматривал ликвидировать, старика-вахмана — связать.

Между тем жизнь на острове Узедом текла прежним руслом. Часто взлетали ракеты, чаще, чем прежде, прорывались к базе английские самолеты. Собак-овчарок из охраны забрали, их теперь натаскивали для борьбы с танками. Но режим строгости не уменьшился. Провинность пленных каралась смертью, причем в машине уничтожения людей был изощренный прием: обреченному оставляли «десять дней жизни». В эти дни его избивали, лишали пищи, охрана с ним делала что хотела. Десять дней агонии никто не выдерживал. К «десяти дням жизни» приговорен был земляк Девятаева татарин Федор Фатых. «Вернувшись однажды с работы, я застал его умирающим. Протянув пайку хлеба, Федор сказал: «Миша, возьми подкрепись. Я верю: вы улетите». Ночью он умер.

А через несколько дней приговор «десять дней жизни» получил и учитель из Дарницы Никитенко. «Сдали нервы, сцепился с бандитом и циником по кличке Костя-моряк. Комендант лагеря в моих действиях усмотрел «политический акт», и все услышали: «десять дней жизни!» В тот же вечер приговоренного жестоко избил охрана, которой помогал еще Костя с друзьями.

«Мои друзья сделали все, что могли: прятали меня в прачечной, в момент построения становились так, чтобы не все удары меня достигали, восполняли отнятые пайки хлеба. Но десять дней я бы не протянул. 7 февраля решили: побег завтра или никогда».

День 8 февраля 1945 года начался на острове как обычно. «Ночью взлетали ракеты. Я не мог заснуть от рева и от крайнего возбуждения. Рано утром до построения я сказал Соколову Володе, возглавлявшему аэродромную команду: «Сегодня! И где хочешь, достань сигареты. Смертельно хочу курить». Володя снял с себя свитер и выменял на него у француза пять сигарет».

Построение... Отбор команд. Задача Соколова: сделать так, чтобы в аэродромную группу попало сегодня не более десяти человек, чтобы все были советскими и обязательно все посвященные в планы побега. Все удалось.

Засыпали воронки от бомб. Охранником был эсэсовец. Обычно он требовал, чтобы в обед в капонире, где было затишье, для него разводили костер. Работу повели так, чтобы к 12 часам оказаться у нужного капонира.

В 12.00 техники от самолетов потянулись в столовую. Вот горит уже костер в капонире, и рыжий вахтман, поставив винтовку между колен, греет над огнем руки. До нашего «хейнкеля» двести шагов. Толкаю Володю: «Медлить нельзя!» А он вдруг заколебался: «Может, завтра?» Я показал кулак и крепко сжатые зубы.

Решительным оказался Иван Кривоногов. Удар железякою сзади — и вахтман валится прямо в костер. Смотрю на ребят. Из нас только четверо знают, в чем дело. У шести остальных на лицах неопиcуемый ужас: убийство вахтмана — это виселица. В двух словах объясняю, в чем дело, и вижу: смертельный испуг сменяется решимостью действовать.

С этой минуты пути к прежнему у десяти человек уже не было — гибель или свобода. Стрелки на часах, взятых у вахтмана из кармана, показывали 12 часов 15 минут. Действовать! Дорога каждая секунда.

Самый высокий Петр Кутергин надевает шинель охранника, шапочку с козырьком. С винтовкой он поведет «пленных» в направлении самолета. «Но, не теряя времени, я и Володя Соколов были уже у «хейнкеля». У хвостовой двери ударом заранее припасенного стержня пробиваю дыру. Просовываю руку, изнутри открываю замок.

Внутренность «хейнкеля» мне, привыкшему к тесной кабине истребителя, показалась ангаром. Сделав ребятам знак: «В самолет!», спешу забраться в кресло пилота. Парашютное гнездо пусто, и я сижу в нем, как тощий котенок. На лицах расположившихся сзади — лихорадочное напряжение: скорее!

Владимир Соколов и Иван Кривоногов расчехляют моторы, снимают с закрылков струбцинки... Ключ зажигания на месте. Теперь скорее тележку с аккумуляторами. Подключается кабель. Стрелки сразу качнулись. Поворот ключа, движение ноги — и один мотор оживает. Еще минута — закрутились винты другого мотора. Прибавляется газ. Оба мотора ревут. С боковой стоянки «хейнкель» рулит на взлетную полосу. Никакой заметной тревоги на летном поле не видно — все привыкли: «Густав Антон» летает много и часто. Пожалуй, только дежурный с флажками на старте в некотором замешательстве — о взлете ему не сообщали.

«Точка старта. Достиг ее с громадным напряжением сил — самолетом с двумя винтами управлять с непривычки сложнее, чем истребителем. Но все в порядке. Показания главных приборов, кажется, понимаю. Газ... Самолет понесся по наклонной линии к морю. Полный газ... Должен быть взлет, но «хейнкель» почему-то бежит, не взлетая, хвост от бетона не открывается... В последний момент почти у моря резко торможу и делаю разворот без надежды, что самолет уцелеет. Мрак... Подумал, что загорелись. Но это была только пыль. Когда она чуть улеглась, увидел круги от винтов. Целы! Но за спиной паника — крики, удары прикладом в спину: «Мишка, почему не взлетаем?!»

И оживает аэродром — все, кто был на поле, бегут к самолету. Выбегают летчики и механики из столовой. Даю газ. Разметаю всех, кто приблизился к полосе. Разворот у линии старта. И снова газ... В воспаленном мозгу искрой вспыхнуло слово «триммер». Триммер — подвижная, с ладонь шириною плоскость на рулях высоты. Наверное, летчик оставил ее в положении «посадка». Но как в три-четыре секунды найти механизм управления триммером? Изю всех сил жму от себя ручку — оторвать хвост от земли. Кричу что есть силы ребятам: «Помогайте!» Втроем наваливаемся на рычаг, и «хейнкель» почти у самой воды отрывается от бетона... Летим!!!»

Управление триммером отыскалось, когда самолет, нырнув в облака, стал набирать высоту. И сразу машина стала послушной и легкой. «В этот момент я почувствовал: спасены! И подумал: что там творится сейчас на базе! Посмотрел на часы. Было 12 часов 36 минут — все уместилось в двадцать одну минуту».

Летели на север над морем, понимали: над сушей будет перехвачены истребителями. Потом летели над морем на юго-восток. Внизу увидели караван кораблей. И увидели самолеты, его охранявшие. Один «мессершмитт» отвернул и рядом с «хейнкелем» сделал петлю. «Я видел недоуменный взгляд летчика: мы летели с выпущенными шасси».

Высота была около двух тысяч метров. От холода и громадного пережитого возбуждения пилот и его пассажиры в полосатой одежде не попадали зуб на зуб. Но радость переполнила сердце: «Я крикнул: «Ребята, горячего в баках — хоть до Москвы!» Всем захотелось прямо до Москвы и лететь. Но я понимал: такой полет невозможен — станем добычей своих истребителей и зениток».

Когда показалась земля, беглецы поняли: скоро увидят линию фронта. «В лагере каким-то образом все военные новости становились известными без опозданий. Уже после войны я узнал: в прачечной лагеря в груде грязной одежды хранился приемник. Кто и как в тех страшных условиях мог его пронести, для меня до сих пор остается загадкой».

О приближении фронта догадались по бесконечным обозам, по колоннам машин и танков. И вот показались думы, вспышки разрывов... Опять колонны людей и машин. Но теперь при виде летящего «хейнкеля» люди с дороги бегут и ложатся. «Наши!» Эту радость неожиданно подкрепил плотный зенитный огонь. Два снаряда «хейнкель» настигли. Слышу крик: «Ранены!» И вижу, дымится правый мотор. Резко бросаю самолет в боковое скольжение. Дым исчезает. Но надо садиться. Садиться немедленно. Внизу раскисшая, в пятнах снега земля: дорога, опушка леса, и за ней — приемлемое ровное поле. Резко снижаюсь. Неубранные шасси в земле увязнут. Надо их срезать в момент посадки скольжением в сторону...»

Артиллеристы 61-й армии с дороги, ведущей к линии фронта, видели, как на поле, подломив колеса, юзом сел «хейнкель». Опушкой, опасаясь стрельбы, солдаты бросились к самолету.

«А мы в «хейнкеле» не вполне уверены были, что сели среди своих. Плексигласовый нос самолета был поврежден. В кабину набился снег с грязью. Я выбрался кое-как... Тишина. Винты погнуты, от моторов поднимается пар. «Хейнкель», пропахавший по полю глубокую борозду, казался сейчас неуклюжим толстым китом, лежащим на животе. Не верилось, что два часа назад машина стояла на секретнейшей базе фашистов».

Первое, что предприняли прилетевшие, — попытались скрыться в лесу. Захватив винтовку убитого вахтмана и пулемет с «хейнкеля», поддерживая раненых, они пробежали сотню шагов по полю, но повернули назад — сил не было. Приготовив оружие в самолете, решили выждать, что будет.

«На обороте полетной карты я написал, кто мы, откуда бежали, где до войны жили. Перечислил фамилии: Михаил Девятаев, Иван Кривоногов, Владимир Соколов, Владимир Немченко, Федор Адамов, Иван Олейник, Михаил Емец, Петр Кутергин, Николай Урбанович, Дмитрий Сердюков».

— Фрицы! Хенде хох! Сдавайтесь, иначе пальнем из пушки! — слышались крики с опушки леса.

Для сидевших в самолете это были очень дорогие слова.

— Мы не фрицы! Мы свои, братцы! Из плена! Свои!

Люди с автоматами, в полушубках, подбежав к самолету, были ошеломлены. Десять скелетов в полосатой одежде, обутые в деревянные башмаки, забрызганные кровью и грязью, плакали, повторяя одно только слово: «Братцы, братцы...»

В расположение артиллерийского дивизиона их понесли на руках, как детей, — каждый весил менее сорока килограммов.

Было это 8 февраля 1945 года.

Сорок лет — немалое время. Из десяти дерзких и смелых людей время лишь двоих пощадило — Михаила Петровича Девятаева и живущего сейчас в Горьком Ивана Павловича Кривоногова. Два волгара встречаются иногда, вспоминают...

Жизнь Девятаева после войны была накрепко связана с Волгой. Испытывал тут сейчас привычную всем «Ракету», водил между волжскими городами несколько лет «Метеор». Сейчас на пенсии. Но бодрый — водит автомобиль и, кажется, мог бы и самолет. Шестьдесят семь человеку. Окружен внуками. Два сына — врачи, дочь — музыкант. Выросли дети небалованными. Всего в жизни достигли трудолюбием и упорством так же, как и их отец, пятьдесят лет назад босиком появившийся тут, в Казани.

В мордовском его Торбееве сейчас музей. Главные экспонаты в нем: летный шлем, лагерная полосатая роба, фотографии земляка, фотографии самолета. «Лагерную одежду вместе с деревянными башмаками я долго хранил в узелке. Но стало тесновато в квартире — отвез матери. Она хранила».

Не тянуло ли бывшего узника побывать в Пенемюнде? «Тянуло! И очень обрадовался, когда правительство ГДР пригласило меня вместе с семьей погостить... Все показал сыновьям: где были наши бараки, откуда пускались ракеты, где стоял самолет. Прошел с сыновьями весь путь по рулежной дорожке и взлетной полосе к морю. Что сказал им тогда?... Сказал, что на этом, окруженном морем, клочке земли постоянно думал о Родине и это давало мне силы. Сказал еще: из любого, даже самого трудного положения в жизни есть выход. Главное — не отчаиваться, не потерять в себе человека».